УДК 339.96

Сергей РАСТОЛЬЦЕВ

СКАНДИНАВСКАЯ СПЕЦИФИКА В СОДЕЙСТВИИ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ

Аннотация. Скандинавские страны традиционно считают мировыми лидерами в области содействия международному развитию (СМР). В статье рассматривается формирование концепции особой “скандинавской исключительности” в области СМР. Особый путь данных стран в этой сфере складывался в эпоху холодной войны под влиянием факторов, среди которых выделяются стремление к нейтралитету и самостоятельной роли в мировой политике, направленной на поиск регионального баланса, солидарности и общественной поддержки. После окончания холодной войны скандинавские страны сохранили положительный опыт помощи развитию и адаптировали его к новым реалиям, в которых роль СМР во внешней политике возросла, что укрепило их положительный имидж на международной арене. В результате сложилась уникальная “скандинавская модель” помощи развитию с особыми характеристиками: идеалистическая мотивация, выделение больших объёмов помощи, широкая общественная и политическая поддержка, социальная ориентация, акцент на многосторонние каналы помощи и НКО, отсутствие чёткой привязки к национальным интересам страны – донора помощи, а также средство самопозиционирования на международной арене. Несмотря на возрастающую критику и давление, “скандинавская исключительность” в области СМР работоспособна и задаёт высокие стандарты для других стран-доноров в глобальном масштабе.

Ключевые слова: содействие международному развитию, скандинавские страны, скандинавская модель, помощь развитию, внешняя помощь, страны-доноры, международная политическая экономия, ОЭСР.

Скандинавские страны играют особую роль в содействии международному развитию (далее – СМР). Они считаются щедрыми, устойчивыми и дисциплинированными донорами, и, кроме того, одними из немногих стран в мире, поддерживающих целевой показатель в 0,7% от объёма ВВП и выше, который ООН рекомендует

© *Растольцев Сергей Владимирович* – младший научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (НИ ИМЭМО РАН). *Адрес:* 117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23. *E-mail:* sergej-ras@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-07-00061 “Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: опыт зарубежных стран”) в НИ ИМЭМО РАН.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019176184>

выделять всем развитым странам на помощь развитию. Сформировалось мнение о “скандинавской исключительности” в помощи развитию. Этот термин возник на основе представления об общности политических стратегий стран этого региона, отличающих их от остальных членов сообщества доноров. Опыт скандинавских стран – передовой в повестки помощи развитию, он оказал значительное влияние на её выработку. Их оригинальная модель участия в СМР стала образцом для других развитых стран, несмотря на то, что в последнее время стали раздаваться голоса об эрозии особой скандинавской модели помощи развитию [Oden, 2011: 23]. Страны региона (три традиционных скандинавских государства – Норвегия, Швеция, Дания, а также часто относимая к этой группе – Финляндия) продолжают играть важную роль в СМР на мировой арене.

Уникальный “скандинавский” путь в сфере СМР сложился в результате сочетания нескольких факторов, среди которых выделяют удалённую географическую позицию (периферия Европы), изначально ограниченные материальные ресурсы (поздняя индустриализация и прагматичная философия развития, которые привели к установлению социальных норм для справедливого распределения ресурсов), эффективные внутренние институты (включая внутривластный консенсус по широкому кругу вопросов, в том числе по помощи развитию), особую общественную модель благосостояния “социального партнёрства”, направленную на перераспределение ресурсов, отсутствие колониального наследия, а также трепетное отношение к проблемам окружающей среды и экологии.

Скандинавская модель помощи развитию исторически и концептуально сложилась как альтернатива прагматичному подходу других западных стран. Истоки её гуманитарного характера можно увидеть ещё в деятельности норвежского исследователя и филантропа Ф. Нансена в начале XX века, чьё изобретение “нансеновский паспорт” спас жизни сотням тысяч человек, лишившимся родины.

В нынешнем виде особенная скандинавская модель помощи развитию формировалась во время холодной войны. Тогда страны региона заявили о своей самостоятельной роли в мировой политике, взяли на себя лидерство в формировании повестки дня по вопросам разоружения, защиты окружающей среды, гендерного равенства, урегулирования конфликтов, гуманитарной помощи и помощи развитию. Эти элементы составили общую стратегию “солидарности малых государств”, направленную на поиск альтернативного пути развития в условиях биполярного противостояния. Поэтому скандинавские страны выражали своё сочувствие странам “третьего мира”, симпатизировали позиции группе государств, “близких по духу”: Канаде, Ирландии и Нидерландам [Marklund, 2016: 2].

Приверженность помощи развивающимся странам государствами Северной Европы обычно объясняется чувством солидарности, связью с межвоенным нейтралитетом скандинавских стран и их стремлением играть роль моста между осями Восток – Запад и Север – Юг во время холодной войны, несмотря на то, что Скандинавия в целом утратила свое нейтральное положение. Только Финляндия и Швеция официально поддерживали нейтралитет, а Дания и Норвегия вступили в состав НАТО, хотя и придерживались осторожных позиций в политике безопасности в условиях блоковой конфронтации. Они сотрудничали с внеблоковыми Финляндией и Швецией, стремясь к достижению равновесия интересов двух сверхдержав в

скандинавском регионе поддерживая “северный баланс” [Pharo and Pohle Fraser, 2008]. Это требовало усилий и ограничивало сотрудничество в некоторых сферах между самими скандинавскими странами [Талагаева, 2013: 227]. Но, несмотря на различия в геополитическом положении, пять стран региона к середине 1950-х гг. договорились о создании Северного совета как площадки для согласования позиций по вопросам, затрагивающим интересы скандинавских стран. Они активно выступали в поддержку деколонизации, демократизации и развития стран “третьего мира”, декларируя приверженность к оказанию международной гуманитарной помощи [Marklund, 2016: 2]. В течение 1960-х гг. Дания, Норвегия и Швеция вступили в “клуб доноров” Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (КСР ОЭСР), созданный в 1961 г. и к которому в 1975 г. присоединилась Финляндия. Тем самым скандинавские страны подтвердили участие в помощи развитию на высоком международном уровне.

Связь помощи со стороны государства и гуманитарной общественной работой обусловлена сочетанием принципа нейтралитета, национальной идентичности скандинавских стран как малых государств и стремления к поддержанию баланса региональной безопасности, определявших внешнюю политику северных стран со времён Первой мировой войны. На них также повлияла концепция государства всеобщего благосостояния, понимаемая и как политическая культура, и как система, предполагающая сотрудничество и интеграцию между организациями гражданского общества и процессом принятия политических решений [Антюшина, 2009], в том числе в гуманитарной деятельности. Таким образом, скандинавскую модель СМР стал отличать высокий уровень участия организаций гражданского общества и сравнительно меньшая степень вовлечённости бизнес-структур в политику помощи развития, чем у других стран-доноров [Marklund, 2016: 2].

После окончания холодной войны актуальность нейтралитета, “северного баланса” и концепции государств-единомышленников среди стран Северной Европы снизилась. Балансирование было актуально в ситуации блокового противостояния, а в новую эпоху, с преодолением геополитического раскола и освобождением от внешних ограничений, появилась возможность выйти на качественно иной уровень региональной интеграции. Вступление скандинавских стран в ЕС (за исключением Норвегии), а также переход к более либеральному политическому и экономическому мышлению на международном и внутреннем уровне оказал значительное влияние на структуру скандинавской помощи развитию [Oden, 2011: 21–22]. С начала 1990-х гг. скандинавские страны стали приводить свои программы помощи в согласие с международными тенденциями, среди которых следует отметить повышенное внимание к эффективности предоставляемой помощи, правам человека, политическим и экономическим условиям для военного участия в коалициях и гуманитарного вмешательства, а также стремление к использованию гуманитарной деятельности СМР как инструмента внешней политики. В частности, скандинавские страны, включая нейтральные Финляндию и Швецию, присоединились к гуманитарным интервенциям, проводимым НАТО. При этом росла потребность активизации гуманитарной политики в отношении беженцев, главным образом в Норвегии и Швеции, участия в организации мирных переговоров и постконфликтного урегулирования, особенно в Финляндии и Норвегии. Возникла дискуссия о постепенной утрате

особой скандинавской модели СМР [The End of Nordic Exceptionalism, 2015]. Хотя объёмы и доля помощи развитию в некоторых странах действительно снизились (в Дании и Финляндии; в Норвегии и Швеции, напротив, эти показатели выросли), но скандинавские страны поддерживают высокие стандарты в области СМР. Об этом свидетельствует сохранение основных принципов особенной скандинавской модели помощи развитию до настоящего времени, рассматриваемые далее.

Один из краеугольных камней “скандинавской исключительности” – щедрость, т.е. готовность жертвовать объёмы помощи развивающимся странам, гораздо большие по сравнению со многими развитыми странами. Начав с небольших размеров поддержки в 1950-х – 1960-х гг., все скандинавские страны нарастили помощь в 1970-е гг. Швеция стала первой страной, достигшей целевого показателя ООН в 0,7% для официальной помощи развитию (ОПР) от общего показателя ВВП в 1974 г., за ней последовали Норвегия (1976 г.) и Дания (1978 г.). За последние 40 лет Дания, Норвегия и Швеция значительно превышали цель ООН в 0,7% и часто приближались к 1%. Финляндия также стремилась достичь высокой планки, заданной её соседями по региону, и она существенно увеличила помощь в 1980-е гг., достигнув 0,8% доли ОПР в ВВП к 1991 г. Однако позднее финны не смогли сохранить такой уровень, и их доля помощи снизилась до диапазона 0,4-0,6% ВВП в среднем с начала 1990-х гг. У трёх скандинавских стран – Норвегии, Дании и Швеции – сформировалась установка, что 0,7% ВВП в пользу ОПР представляет собой порог, опуститься ниже которого означает преодолеть “уровень порядочности”, что принципиально недопустимо. Это позволяет им сохранять высокий уровень поддержки даже во времена экономического спада, когда сокращения затрагивают другие статьи общественных расходов, но не в отношении помощи развитию. Если сравнить со средним показателем по ОЭСР, который сейчас колеблется от 0,2% до 0,4% ВВП, скандинавские страны стоят особняком от других доноров [Selbervik and Nugaard, 2006]. В настоящее время Норвегия и Швеция выделяют на ОПР около 1% от ВВП и входят в тройку ведущих мировых доноров [OECD, 2018].

Примечательно, что высокий уровень помощи развивающимся странам всегда находил общественную поддержку в скандинавских государствах. Так, согласно недавнему опросу службы Евробарометр 2017 г., большинство жителей Скандинавии считают, что важно помогать людям в развивающихся странах. Это мнение разделяют 98% жителей Швеции (она на 1-м месте в ЕС), 93% – в Дании и Финляндии (средний показатель по ЕС составляет 89%). Население скандинавских стран демонстрирует высокую степень персональной вовлечённости в помощь развивающимся странам: так в Швеции 87% респондентов верят, что они сами могут играть роль в такой помощи, 60% – в Дании, 58% – в Финляндии (в среднем по ЕС – 54%). При этом 82% опрошенных в Швеции отмечают, что уже лично в ней участвуют 76% – в Финляндии, 71% – в Дании (в среднем по ЕС – 46%). Кроме того, скандинавы хорошо осведомлены о новых Целях устойчивого развития ООН до 2030 г.: 73% финнов, 56% шведов и 44% датчан (в среднем по ЕС – 41%) знают о ЦУР-2030 [Special Eurobarometer Report, 2017]. В Норвегии более 80% населения выступают за выделение помощи развивающимся странам и более половины оценивает результаты норвежской помощи как положительные [Statistics Norway, 2013].

Скандинавы изначально проводили социально-ориентированную внутреннюю политику, поддерживающую здравоохранение, образование, гендерное равенство, надлежащее управление, права человека и гражданского общества как основы развития государства в целом. Эти приоритеты нашли продолжение во внешней политике помощи развитию. Скандинавский подход отличался от других стран, стремившихся к поддержке производительных секторов. Институты гражданского общества и общественные движения в развивающихся странах были одной из основных статей скандинавской помощи развитию, и в последние годы их финансирование увеличилось. Скандинавы рассматривают сильное и независимое гражданское общество как предпосылку сокращения бедности и развития демократии [Selbervik and Nygaard, 2006]. Так, Швеция выделяет около четверти от общего объема двусторонней помощи для организаций гражданского общества, что значительно выше средней по странам КСР (около 17,4%). Наряду с Норвегией и Нидерландами Швеция занимает лидирующую позицию как страна-донор, выделяющая наибольшую долю помощи таким организациям от ОПР [Svenska Dagbladet, 2015].

Ещё одна отличительная черта скандинавских стран – особое внимание сокращению бедности как стратегически, так и практически. Десятилетия скандинавы предоставляли большие объёмы помощи наименее развитым странам (примерно 50%), особенно странам Африки южнее Сахары, нежели чем в среднем по ОЭСР (около 25%). Они сделали ставку на многосторонние каналы финансирования, особенно агентства ООН, распределяя большую часть поддержки в виде грантов, а не кредитов. Скандинавские страны были одними из первых, кто стал выделять помощь исходя из интересов и приоритетов стран-реципиентов, развивая партнёрские связи и обеспечивая сопричастность местных и национальных правительств [Elgström and Delputte, 2015].

В скандинавской концепции помощи преобладают альтруистические, филантропические интересы и ориентация на потребности стран-реципиентов, в отличие от стремления к использовать помощь развитию как инструмент внешней политики и продвижения экономических интересов, к которой тяготеют крупные доноры: США, Франция, Германия, Бельгия [Бартенев и Глазунова, 2012: 131–132]. Так, в политике помощи развитию США всегда преобладали внешнеполитические мотивы, они всегда отдавали предпочтение двусторонней помощи, нежели многосторонней, на которую выделялось максимум 20%.

В свою очередь скандинавские страны традиционно выделяли больше средств по многосторонним каналам, чем в среднем по “клубу доноров” – на это выделялось более половины всех средств. В последнее время ситуация изменилась, и теперь скандинавы расходуют на многостороннюю помощь от 20% до 40%, приближаясь к среднему показателю по КСР ОЭСР. Что касается двусторонней помощи скандинавских стран, то исторически сложилось, что большая её часть предоставляется странам Африки. Примечательно, что появление агентств международного развития предшествовали открытию дипломатических представительств африканских государств [Selbervik and Nygaard, 2006: 22]. Таким образом, скандинавы реализовывали свою внешнеполитическую активность в целом ряде развивающихся государств через политику помощи развитию, что кардинально отличает их от многих западных доноров. Благодаря программам развития скандинавские государства установили

отношения со странами Восточной и Южной Африки (такими как Танзания, Замбия, Уганда, Кения, Мозамбик и др.), куда от 10 до 20 лет поступала большая часть их двусторонней помощи. Хотя со временем помощь становится более фокусной, основные африканские реципиенты остаются прежними. В XXI веке к помощи бедным государствам Африки добавились так называемые “нестабильные государства”, находящиеся в состоянии конфликта, например, Ирак, Палестинские территории, Афганистан, Сирия [Бартенев и Глазунова, 2012: 148].

В последние десятилетия скандинавские страны усилили поддержку здравоохранения, образования, управления и укрепления гражданского общества. Например, 80% шведской помощи развитию в глобальном масштабе идёт на поддержку восьми отраслей, основная часть которых относится к социальной инфраструктуре [Царева, 2016: 358]. Кроме того, скандинавские страны стали больше внимания уделять развитию частного сектора. Так, Норвегия через собственное специализированное агентство НОРФАНД (“Norfund”) запустила ряд программ для укрепления сотрудничества в частном секторе, инвестиции в возобновляемые источники энергии, финансовую сферу и агробизнес. Известна программа “Нефть для развития”, запущенная в 2005 г., помогающая странам-производителям нефти управлять углеводородными ресурсами для экономического роста и устойчивого развития при участии норвежских неправительственных организаций [ОЕСД, 2013].

Скандинавы часто едины на международных форумах и координируют свои усилия на многостороннем уровне. Они стремятся объединять свои усилия с донорами близкими к ним по взглядам на помощь развитию [Буланаква, 2016: 71]. Так, в 2003 г. три скандинавских страны пригласили заинтересованных доноров принять участие в инициативе “Гармонизация на практике” в Замбии, с которой они уже давно сотрудничали. К группе “Скандинавы+” присоединились Финляндия, Великобритания, Ирландия и Нидерланды, согласуя политику на основе сложившихся принципов. Присоединившиеся к скандинавскому клубу развитые государства стали постепенно пересматривать свой подход к помощи и больше обращать внимание на потребности развивающихся стран-реципиентов [Бартенев и Глазунова, 2012: 131–132, 148]. Таким образом, скандинавская модель получила признание в практике СМР других стран через совместные действия.

Скандинавская политика помощи практически не имеет под собой определённых политических или экономических национальных интересов [Elgström and Delputte, 2015]. Скандинавы не мотивированы соответствующими политическими или экономическими интересами в пост-колониальном мире не стремятся такие интересы сформировать. Напротив, скандинавская помощь основана на идеях гуманизма, идеализма и альтруизма, что нашло своё выражение в доктрине “гуманитарного интернационализма” [Selbervik and Nygaard, 2006: 5]. Существуют мнения, что это один из путей распространения скандинавской социально-демократической модели и ценностей, лежащих в её основе [Elgström and Delputte, 2015]. Иными словами, скандинавы пытаются транслировать свою внутреннюю социально-экономическую успешность на внешний мир в том числе через содействие развитию бедным странам.

Другая точка зрения состоит в том, что, будучи небольшими странами с открытой экономикой, скандинавы заинтересованы в сильных международных институ-

тах, таких как ООН и её агентства, а потому поддерживают их. Так, Г. Зельбервик и К. Нигард утверждают, что в 1980-е гг. скандинавские политики осознали, что высокий уровень развития и глобального лидерства вносит вклад в усиление присутствия на международной арене, помогая их странам повышать престиж и влияние по международным вопросам [Selbervik and Nygaard, 2006]. Таким образом, помощь развитию даёт возможность скандинавским странам играть более важную роль в мировой политике. Быть небольшими государствами, но при этом щедрыми и идеалистичными, и посредством этого более “важными”, стало неотъемлемой частью самовосприятия Скандинавии и её имиджа на международной арене. Эти аргументы свидетельствуют, что собственные интересы скандинавских стран можно определить. Но это не меняет общей картины, которая выглядит так, что скандинавы изначально развивали свою политику помощи с другой отправной точки, нежели прямое следование национальным интересам, и имели сравнительно меньше связей с ними, чем другие “традиционные доноры”.

Кроме того, скандинавский альтруизм в отношении развивающихся стран выражается также в такой специфической форме, как приём мигрантов из стран Азии и Африки, покинувших свои дома по экономическим или политическим причинам. Все скандинавские страны более полувека принимают значительное количество иностранных граждан из развивающихся стран, несмотря на то, что они не участвовали в колониальной экспансии и не несут моральной ответственности перед странами условного “Глобального Юга”. Швеция стала активно принимать мигрантов уже с 1950-х гг., а Норвегия, Дания и Финляндия – с конца 1960-х гг., когда возникли диаспоры переселенцев из таких стран Ближнего Востока и Африки, как Турция, Пакистан и Марокко. Первоначально скандинавские страны принимали в основном трудовых мигрантов, то с 1980-х гг. значительно увеличился поток беженцев из развивающихся стран. Во время недавнего миграционного кризиса в Европе 2015 г. скандинавские страны стали одними из главных реципиентов беженцев среди европейских государств. В 2015 г. из 1,3 млн прошений о предоставлении статуса беженца около 240 тыс. – т.е. почти каждое пятое прошение – было подано в одну из четырёх скандинавских стран. Среди них Швеция была самым популярным направлением – более половины беженцев (156 тыс. человек) хотели переехать в эту страну [Pew Research Center, 2016: 17]. Швеция не только оказалась на третьем месте по числу поданных заявок среди всех европейских стран (после Германии и Венгрии), но также попала на первое место по числу удовлетворённых заявок на конец 2015 г. – более 77% подавших прошение переселенцев получили статус беженцев (тогда как в Германии этот показатель составил всего 42%, в среднем по ЕС – 45%) [BBC, 2015]. Таким образом, Швеция стала наиболее благоприятной страной для получения статуса беженцев среди всех европейских стран.

В целом на сегодняшний день скандинавские страны являются признанными лидерами содействия международному развитию. Американский аналитический институт “Центр глобального развития” (“Centre for Global Development”) в своём рейтинге “Commitment to Development Index” в течение многих лет присуждает первые три места государствам Скандинавии Швеции, Дании и Финляндии как самым благоприятствующим развитию из числа благополучных стран – участников “клуба доноров” ОЭСР, за их политику, приносящую пользу людям в развивающихся стра-

нах. Рейтинг основывается на комплексном анализе национальной политики в области помощи, торговли, инвестиций, миграции, окружающей среды, безопасности и технологий [Commitment to Development Index, 2018].

Таким образом, особенная скандинавская модель СМР:

1) основана на гуманистической, идеалистической и альтруистической мотивации;

2) предполагает выделение больших объёмов средств на помощь развитию по сравнению с большинством других развитых стран;

3) находит широкую общественную и внутривластную поддержку как в отдельных странах, так и на уровне всего скандинавского региона в целом;

4) направляет помощь на социально-ориентированные сферы: сокращение бедности, здравоохранение, образование, надлежащее управление, гражданское общество, права человека и гендерное равенство;

5) выделяет помощь через многосторонние каналы и напрямую наименее развитым странам в форме грантов и через НКО;

6) оказывая помощь, ориентируется на потребности стран-реципиентов и заинтересована в выстраивании долгосрочных и предсказуемых отношений;

7) является важным элементом укрепления внешнеполитического положения скандинавских стран и выступает примером для подражания в сфере СМР.

Скандинавские страны проделали долгий путь, чтобы стать примером для других государств в сфере СМР, и в эпоху после окончания холодной войны закрепили за собой статус наиболее щедрых и инновационных доноров. Хотя в последнее время в этих странах произошло некоторое сокращение объёмов помощи и перераспределение её потоков, скандинавская модель СМР сохраняет свои уникальные особенности и продолжает оставаться жизнеспособной, выступая ориентиром высоких стандартов помощи развитию на мировом уровне.

Список литературы

Антюшина Н.М. (2009) "Скандинавская модель", в кн.: Каргалова М.В. (отв. ред.) и др. *Социальная Европа в XXI веке. Европейский опыт и Россия. Часть II. Европейская социальная модель: единство в многообразии*. Доклады Института Европы РАН, № 247, с. 61–81.

Буланаква М.А. (2016) Механизмы обоснования норвежской политики СМР в контексте современных международных процессов, *Балтийский регион*, т. 8, № 2, с. 67–84.

Бартенев В.И. и Глазунова Е.Н. (ред.) (2012) *Содействие международному развитию. Курс лекций*, Всемирный банк.

Талагаева Д.А. (2013) Северный баланс и условия участия Норвегии в НАТО в годы Холодной войны, *Вестник МГИМО-Университета*, № 1, с. 225–229.

Царева А.А. (2016) Основные направления и эффективность политики Швеции в области содействия международному развитию, *Научные труды Северо-Западного института управления*, т. 7, № 1 (23), с. 355–367.

References

Antyushina N.M. (2009) Skandinavskaya model' [Scandinavian model], in: Kargalova M.V. (ed.) et al. *Sotsial'naya Evropa v XXI veke. Evropeiskii opyt i Rossiya. Chast' II. Evropeiskaya sotsial'naya model': edinstvo v mnogoobrazii*. Doklady Instituta Evropy RAN, no. 247, pp. 61–81.

Bartenev V.I. and Glazunova E.N. (eds.) (2012) *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs lektsii [International development assistance. Lecture course]*, Vsemirnyi bank.

Bulanakova M.A. (2016) Mekhanizmy obosnovaniya norvezhskoi politiki SMR v kontekste sovremennykh mezhdunarodnykh protsessov [Mechanisms of arrangements of Norwegian IDA policy in the context of modern international processes], *Baltiiskii region*, vol. 8, no. 2, pp. 67–84.

- Elgström O. and Delputte S. (2015) An end to Nordic exceptionalism? Europeanization and Nordic development policies. *European Politics and Society*, *European Politics and Society*, vol. 17 (1), pp. 28–41.
- Marklund C. (2016) *Neutrality and solidarity in Nordic humanitarian action*, HPG Working Paper, January 2016, Overseas Development Institute, London.
- OECD (2013) *Facing the Resource Curse: Norway's Oil for Development Program Final Report*. Oslo, available at: <https://www.oecd.org/derec/norway/oilnorway.pdf> (accessed: 28 Aug 2019).
- OECD (2018) Development Co-operation Report 2018. Joining Forces to Leave No One Behind. OECD Publishing, Paris, <https://www.oecd.org/dac/development-co-operation-report-2018/> (Accessed 28 Aug 2019).
- Oden B. (2011) *The Africa Policies of Nordic Countries and the Erosion of the Nordic Aid Model: A Comparative Study*, Uppsala: Nordic Africa Institute.
- Pew Research Center (2016) Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015. August, available at: <https://www.pewresearch.org/global/2016/08/02/number-of-refugees-to-europe-surges-to-record-1-3-million-in-2015/> (accessed: 28 Aug 2019).
- Pharo H.O. and Pohle Fraser M. (2008) *The Aid Rush: Aid Regimes in Northern Europe during the Cold War*, vols. 1–2, Oslo: Oslo Academic Press.
- Selbervik H. and Nygaard K. (2006) *Nordic Exceptionalism in Development Assistance? Aid policies and the Major Donors: The Nordic Countries*, Chr. Michelsen Institute, Bergen.
- Special Eurobarometer Report – EU Citizen's views on development, cooperation and aid. EU (2017) Available at: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/sp455-development-aid-final_en.pdf (accessed: 28 Aug 2019).
- Statistics Norway (2013) “Attitudes towards and knowledge about Norwegian development aid”, available at: <http://www.ssb.no/en/offentlig-sektor/statistikker/uhjelp/hold/hvert-3-aar/2013-11-05> (accessed: 28 Aug 2019).
- Svenska Dagbladet (2015) Så stärker vi demokratin, Op-ed from Minister Lövin. July 2nd, available at: <http://www.svd.se/lovin-mp-sa-starker-vi-demokratin> (accessed: 28 Aug 2019).
- Talagaeva D.A. (2013) Severnyi balans i usloviya uchastiya Norvegii v NATO v gody Kholodnoi voyny [Nordic Balance and Conditions for Norwegian Participation in NATO during the Cold War], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 1, pp. 225–229.
- The End of Nordic Exceptionalism (2015) Available at: <https://www.kirkensnodhjelp.no/globalassets/utviklingskonf-2015/end-of-nordic-exceptionalism.pdf> (accessed: 28 Aug 2019).
- Tsareva A. A. (2016) Osnovnye napravleniya i effektivnost' politiki Shvetsii v oblasti sodeistviya mezhdu narodnomu razvitiyu [Sweden's main directions and effectiveness of its international development assistance policy], *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*, vol. 7, no. (23), pp. 355–367.

Scandinavian Specificity in Facilitating International Development

Author: Rastoltsev S., Junior Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO). **Address:** 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997. **E-mail:** sergej-ras@yandex.ru

Abstract. The Scandinavian countries are traditionally considered as world leaders in the field of international development assistance (IDA). The article deals with the origin and formation of the concept of a special “Scandinavian exceptionalism” in the field of IDA. The special path of these countries in this area was formed in the Cold War era under certain factors, among which are the desire for neutrality and an independent role in world politics aimed at finding balance, solidarity and public support. After the end of the Cold War, the Scandinavian countries were able to maintain the positive experience of IDA and adapt it to new realities, in which the role of IDA in the foreign policy of these countries has increased and has enabled to strengthen their positive image in the international arena. As a result, a unique modern model of development assistance was formed, with special features such as idealistic motivation, allocation of large amounts of assistance, broad public and political support, social orientation, emphasis on multilateral channels of assistance and NGOs, absence of a clear binding to the national interests of the donor country, and a means of self-positioning in the international arena. It is concluded that despite increasing criticism and pressure in recent years, the “Scandinavian exceptionalism” in the field of IDA remains efficient, setting high standards for other donor countries on a global scale.

Key words: international development assistance, Scandinavian countries, Scandinavian model, development assistance, external assistance, donor countries, international political economy.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52019176184>